

SYMBOLISM IN MEDIEVAL CHESS

V. Martish

Summary. The author considers symbolism in medieval chess, in his opinion, during this period the chess Board and figures were filled with valuable values. The author conclude that the game was not only a social structure of medieval Europe, but was also filled with a significant moral and religious meaning.

Keywords: chess, symbolism, chessboard, pieces, middle ages.

В современном западном обществе игра в шахматы — это просто игра, форма досуга, подпитываемая желанием отвлечься от мирской, повседневной жизни, наполненной постоянными трудностями и напряженным трудом. Для некоторых значение игры может быть глубже, как сильную решимость участвовать в конкуренции и необходимость превзойти других игроков. Однако в средневековом обществе простая шахматная доска и сопутствующие ей фигуры были намеренно наполнены определенными ценными значениями. Игра сама по себе была значительной иллюстрацией средневекового общества, символом, который представлял социальный статус, моральные ценности, религиозный смысл и даже космическое значение. Средневековое отношение к шахматам и к другим видам развлечений было чрезвычайно сложным и насыщенным мощной смесью метафоры и морали, которая определяла европейское общество в Средние века.

Истоки популярной игры, которая воплотила в себе ценности средневековой Европы, остаются предметом научных дискуссий и по сей день. Как игра, включающая шахматную доску и фигуры, которые перемещаются только в рамках строгих правил, шахматы, вероятно, находят свои корни в игре с четырьмя игроками, которая возникла в Китае, хотя первые письменные записи, ссылающиеся на шахматы, можно найти в Индии. Действительно, игра в шахматы, в которую играли средневековые европейцы, имеет поразительное сходство с чатурангой, настольной игрой с участием двух игроков, которая уже была распространенной в Северной Индии к концу VI века. Из Индии чатуранга, скорее всего, распространилась через Персию, где ее название было изменено на шатрандж, и игра приобрела символику, которая была явно арабской. Шатрандж быстро стал самой популярной настольной игрой в арабской культуре

СИМВОЛИЗМ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ШАХМАТАХ

Мартиш Вадим Сергеевич

Аспирант, Тюменский государственный университет
trunk-08@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает символизм в средневековых шахматах, по его мнению, именно в этот период шахматная доска и фигуры были наполнены ценными значениями. Автор приходит к выводу, что игра не только представляла собой социальную структуру средневековой Европы, но и была наполнена существенным моральным и религиозным смыслом.

Ключевые слова: шахматы, символизм, шахматная доска, фигуры, средневековье.

и постоянно прославлялся в арабском искусстве и литературе как символ человеческих страданий, перенесенных судьбой. Арабское времяпрепровождение было настолько популярно, что проникло в Испанию во время завоеваний мавров в VIII веке и закрепилось в западно-европейской культуре к 1000 году [2].

Прогресс шахмат от арабской Испании до христианских королевств Европы, скорее всего, можно отнести к территориальным завоеваниям Карла Великого в Иберии, и действительно, шахматы стали любимым занятием аристократических классов. Шахматы были введены во времена “золотого века”, управляемого могущественным христианским королем. Средства аллегории и символики, особенно христианской разновидности, были признаны в течение столетия после ее введения в европейскую культуру. Действительно, учитывая, что самые ранние упоминания о шахматах в Европе происходят из рукописей, написанных в испанских монастырях, игра, похоже, приобрела ауру христианства на Западе еще до того, как стала выдающимся компонентом европейской культуры [8].

Шахматы, датируемые в 11 в, уже воспринимались как некий символ, наполненный различными значениями. Как гласит легенда, именно эти шахматы были подарены Карлу Великому восточным калифом и предназначались как знак мира и уважения к власти французского императора. Они были большими и сделаны из тяжелого горного хрусталя в арабском дизайне. Это говорит о том, что это подарок не предназначался для игры, а был представлен как символический инструмент дружеской дипломатии [5]. Значение шахмат как символа дипломатии оставалось укоренившимся в европейской традиции даже в XIII в. когда могущественный лидер исламской группы Хашашин подарил Королю Людовику IX шахматы

вместе с различными золотыми и хрустальными сокровищами, как символ их продолжающегося мира и переговоров [7].

Шахматы были игрой, пронизанной сложной символикой, которая отражала ценности Европейского общества. Это резко контрастировало с другими низменными развлечениями, которым часто предавались и аристократы, и низшие классы. Пьянство считалось развлечением само по себе, и, независимо от игры, игроки часто напивались вином [3]. Однако церковь рассматривала это как греховное злоупотребление кровью Христа. Азартные игры, считались неправильным и аморальным, нечестным способом зарабатывания денег [6]. Церковь также осудила азартные игры, сославшись на Новый Завет и историю о реакции Христа против торговцев, которые тратили свою жизнь только на зарабатывании денег. Кроме того, если женщина принимала участие в таком греховном поведении, ее строго наказывали и обычно приговаривали к смертной казни.

В обществе, которое постоянно воевало либо с другим королевством, либо подавляло внутренние угрозы, либо отправляло паломников и рыцарей в крестовые походы на восток, насилие было необходимым компонентом повседневной жизни. Подпитываемое вином и возбуждением от игры, насилие постоянно возникало среди игроков. В маленьком городке не было ничего необычного в том, что целые кварталы или даже сам город ввязывались в драку. Хотя многие были ранены и даже убиты, местные власти проявляли определенную сдержанность при подавлении сражающихся крестьян. Они рассматривали это как полезную форму подготовки к настоящей войне, и поэтому, когда драка вспыхивала из-за исхода игры, ее обычно разрешали продолжать до тех пор, пока участники не были слишком истощены, чтобы продолжать.

Церковь часто осуждала развлечения, выбранные в качестве отвлечения от тяжелой повседневной работы, и было почти невозможно примирить многие формы развлечений со строгими стандартами христианской морали. Хотя Церковь ясно понимала реалии воюющего общества, она яростно использовала язык мира и подчеркивала важность правил для контроля над насилием в обществе. Церковь решительно продолжала выступать против игр, которые приводили к серьезным травмам, против азартных игр и пьянства.

Церковь не могла выработать последовательного отношения к шахматной игре. Большинству из того, что мы знаем о ней, почти полностью из писаний церковников и монахов, и эти писания демонстрируют широкий спектр мнений. Как игра, в которую играли низшие классы и знать, шахматы часто были связаны с игрой в кости

и азартными играми, которые, как мы видели, уже осуждались как бесчестные и богохульные. Игры в кости, в частности, были связаны с пьянством, проституцией и плохими последствиями. Вполне возможно, что некоторые ранние версии шахмат действительно уходили корнями в кости. Таким образом, шахматы с самого начала столкнулись с отрицанием Церкви, и многие церковные (и даже некоторые светские) учреждения запретили шахматы [9].

С середины XIII в. шахматы стали часто использовать как социальную метафору.

С кем и с чем пытались сравнивать шахматную доску и фигуры. Ответы на эти вопросы можно найти в книге доминиканского монаха Якобуса де Цессолеса. Книга состоит из четырех частей. В первой рассказывается о происхождении игры; во второй — о форме фигур и принадлежности каждой из них определенному социальному статусу; в третьей главе — о 8 пешках, олицетворяющих простолюдинов; в четвертой говорится о правилах перемещений фигур на доске. Автор начинает свое повествование с истории о том, как была создана игра — некогда жил в Вавилоне очень жесткий правитель. Народ, страдавший от тирана, обратился к мудрецу Филометру с просьбой наставить его на истинный путь. Он нашел выход из этой трудной ситуации: сделал из золота и серебра человеческие фигуры и разместил их на 64 клетках.

Игра стала популярной при дворе. Заинтересовался ей и правитель. Ненавязчиво прочитал проповедь о его правах и обязанностях. Ситуация в государстве изменилась к лучшему[1].

Шахматы в трактате сравниваются с обществом и его системой отношений, взаимных обязанностей. Вавилон, говорит Якобус, по сообщениям пророка Иеремии, был построен по плану, разбитому на квадраты (64). Чтобы представить модель города, изобретатель этой игры создал доску с 64 клетками. Итак, шахматы символизируют город, общество, а шахматные фигуры — различные социальные группы. На самом деле фигуры сами «напрашиваются» на аллегории: король и королева в шахматах соответствует королевской паре средневекового общества, конь — рыцарю, две ладьи олицетворяют представителей королевской власти, фигуры слонов — судий. 8 пешек олицетворяют различные занятия простолюдинов. Цессоли подробно описывает внешний вид и атрибуты каждой фигуры. Проповедник говорит о грехах и добродетелях, присущих каждому сословию, и сопровождает свое повествование назидательными примерами. Большое место в книге он отводит простым людям. Каждая из 8 пешек олицетворяет сразу несколько «профессий»: так пешка, олицетворяющая портного,

символизирует все ремесла, связанные с обработкой ткани и кожи, и т.д. [4] Книга Якобуса — проповедь, которую он часто читал прихожанам. С помощью шахматной метафоры он стремился воздействовать на сердца и души своих прихожан.

По замыслу автора правила поведения трактата, шахматная доска представляет средневековое королевство, а фигуры, правила их ходов показывают, как нужно вести себя в обществе и в различных жизненных ситуациях [4]. Как в шахматах все подчинено защите короля, так и в обществе, по мнению Якобуса, все социальные группы должны поддерживать короля и укреплять королевскую власть. Расположение фигур на шахматной доске выявляет отношения взаимной зависимости. Почему, например, простолюдины (пешки) стоят перед знатными фигурами? Что бы делали король, королева и все остальные без помощи простолюдинов, которые обслуживали их и кормили своим трудом? символизирующей медика? [4].

Принципы перемещения фигур по шахматной доске были также символичны. [4]. Главный принцип перемещения благородных фигур — обеспечить защиту короля; как и в обществе, здесь также все подчинено интересам королевской власти.

Средневековые проповедники видели в шахматах модель мира. Игрок, перемещая фигуры, создает некое подобие игры жизни: он выигрывает, терпит неудачи, конфликтует, а затем уходит в вечность. Игра имела огромный успех в средневековом обществе. Она представляла собой универсальную формулу жизни и исторического процесса. Трактат Якобуса де Цессолеса завоевал большую популярность. Он был переведен на французский, английский, немецкий и голландский языки, получил большое распространение в Европе благодаря огромному числу рукописей. Почему же средневековым писателям понадобилось обратиться к новой идеальной модели социального порядка — шахматам?

В средние века растет число новых профессий, ремесел и статусов. Трактат, в котором общество изображается в виде шахматной доски, где за каждой шахматной фигурой закреплён четкий статус и положение в обществе, должен был внести порядок и стабильность в это общество. В это время происходит общественная перестройка, растет социальная мобильность. Автор трактата было обеспокоен этим и хотел препятствовать мобильности новых сословий, указать каждой социальной группе свое, четко определенное место как на шахматной доске, так и в обществе.

Возможно, из-за общей ассоциации игры с развлечениями, мудростью, королевской властью и войной

многие шахматные доски, которые пережили века, были выполнены из слоновой кости. Шахматные фигуры Льюиса, найденные в Шотландии и датированные серединой XII века, вырезаны из слоновой кости и зубов китов. Для царственных особ и более богатых дворян — из горного хрусталя и инкрустированы драгоценными камнями, причем некоторые фигуры были целиком из драгоценных камней и металлов. Хотя многие из этих досок были в основном созданы как экспонаты для казначейства, они, вероятно, все же использовались знатью.

Однако самые престижные и востребованные шахматные наборы были сделаны из слоновой кости. Слоновая кость представляла ценность прежде всего своей экзотической природой, поскольку символизировала Восток, чужую землю, изобилующую очаровательными диковинками: мусульманскими учеными и художниками, таинственными существами и могущественными халифами. Игра с фигурками, вырезанными из слоновьих бивней, была новинкой, которой немногие могли похвастаться. Они признаны были вызывать определенный образ в сознании игроков, а также чувство чести и рыцарства. В различных средневековых источниках мы находим, что слоны, славились своим умом, хорошей памятью и долгой жизнью. Несмотря на то, что слон использовался на войне, он считался от природы мягким животным, внутренне склонным к доброте и защите. Слон также был идеальным супругом, оставаясь в состоянии целомудрия со своим партнером на всю жизнь. Это особое чувство чистоты было даже связано с изначальным состоянием человечества до падения Адама и Евы, и слон, таким образом, стал тонким символом невинности и сострадания. Таким образом, 32 фигуры, вырезанные из слоновой кости, были, возможно, предназначены для того, чтобы вызвать это чувство первоначальной чистоты, а также побудить игрока подражать естественным качествам слона.

В дополнение к рыцарским и тонким значениям, полученным от шахматных фигур из слоновой кости, средневековые шахматы также приобрели несколько глубоко значимых моральных и религиозных значений. Средневековое происхождение самой игры было построено как моральная аллегория. До появления ауры средневековой символики, шахматы часто ассоциировались с Паламедом, греческим героем, который разгадал хитрость Одиссея и заставил его принять участие в Троянской войне. Согласно древней легенде, именно Паламед изобрел пещу, архаичную форму того, что впоследствии стало известно как шахматы. Но с появлением средневекового мира и его рыцарских, христианских ценностей древний языческий характер Паламеда постепенно трансформировался в образ идеального христианского героя. Таким образом, он стал сарацинским рыцарем, принявшим христианство и импортировавшим шахматы с востока. В средневековых легендах

он был известен тем, что соперничал с Тристаном за руку Ирландской принцессы Изольды и служил королю Артуру в качестве рыцаря Круглого стола.

Кроме того, еретическое происхождение Паламеда как сарацинского рыцаря также обеспечил, чтобы шахматная доска стала признанным символом торжества нравственных христианских ценностей.

Мораль шахмат распространилась на искусство и литературу Средневековья, где игра была представлена настенными фресками, гобеленами, рисунками и иллюстрациями. В литературе шахматы также стали неотъемлемой чертой романтической любви. В средневековых романах влюбленные часто изображаются играющими в шахматы.

Шахматы также присутствуют в произведениях искусства, изображающих библейские сцены или христианские аллегории. Сама шахматная доска рассматривалась как произведение искусства, представляющее соотношение между христианством и классической философией. Доска была физическим проявлением невидимой связи между пространством и временем: она представляла собой идеальный квадрат восемь на восемь, число восемь обозначало восемь небесных сфер, упомянутых пифагорейцами. В целом, эти квадраты соответствовали шестидесяти четырем поколениям между Адамом и Христом.

В Новом Завете смерть постоянно ассоциируется с реальным физическим существом. Фреска XV века

в церкви Тэбю (Швеция), изображает человека, играющего в шахматы со смертью, изображенного в виде скелета с плотью, капающей с костей. Есть две возможные интерпретации этого образа. Во-первых, смерть—это еще одна аллегория Сатаны, и фреска призвана изобразить непрерывную борьбу человечества со злом и безнравственностью. Вторая интерпретация заключается в том, что смерть — это просто смерть, а шахматная доска символизирует переход в загробную жизнь и окончательный триумф вечности.

В средневековом мире шахматы приобрели беспрецедентное для любого средневекового времяпрепровождения значение: они стали важным компонентом благородного образования; они одновременно были идеальным символом справедливой стратегической войны и иконой дипломатии; они представляли идеальную христианскую мораль; они олицетворяли западное средневековое общество; и они также были широко включены в средневековое искусство и литературу. В отличие от традиционных игр средневекового мира, таких как охота, азартные игры, выпивка и другие развлечения, шахматы представляли собой нечто большее, чем просто грубую форму развлечения. Игра не только представляла собой социальную структуру средневековой Европы, но и была наполнена существенным моральным и религиозным смыслом. От дизайна самой шахматной доски до самого материала, из которого были сделаны фигуры, шахматы были физическим и метафорическим представлением средневековых ценностей и убеждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лучицкая С. Метафоры средневекового общества: тело, здание, шахматы // «На меже меж Голосом и Эхом». Сб. статей в честь Т. В. Цивьян. М., 2007, с. 269–275
2. Adams, Jenny. *Power Play: The Literature and Politics of Chess in the Late Middle Ages*. Philadelphia: U of Pennsylvania Press, 2006.
3. Carter, John Marshall. *Medieval Games: Sports and Recreations in Feudal Society*. New York: Greenwood Press, 1992.
4. De Cessolis, Jacob. *Liber de moribus hominum et officiis nobilium super ludo scacchorum*, 1300
5. "Chess set." Grove Art Online. Oxford Art Online. (дата обращения 20.04.2019). <<http://www.oxfordartonline.com/subscriber/article/grove/art/T016348>>.
6. Chiurulla, Paola. "Entertainment in Medieval Culture." *Medieval Culture*. Umbra Institute, Perugia. 15 November 2010. Lecture.
7. John of Joinville. "The Life of Saint Louis." ca. 1305–1309. John of Joinville and Geoffrey of Villehardouin. *The Chronicles of the Crusades*. New York: Penguin Classics, 2008.
8. Moyer, Ann E. *The Philosophers' Game: Rithmomachia in Medieval and Renaissance Europe*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2004.
9. Plessow, Oliver D. "What the Artefacts Tell: Medieval Chess Pieces and the Interpretation of the Social Connotations of the Game of Chess." *The Mediation of Symbol in Late Medieval and Early Modern Times*. Edited by Rudolf Suntrup, Jan R. Veenstra, and Anne Bollmann. New York: Peter Lang, 2005. p. 109–141.

© Мартиш Вадим Сергеевич (trunk-08@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»